

- ¹⁹ Культурное строительство СССР. С. 135.
²⁰ Индустриализация СССР. 1938–1941. М., 1973. С. 424.
²¹ См.: Сборник законов СССР и Указов Президиума Верховного Совета СССР. 1938–июнь 1944 г. М., 1944. С. 130–131.
²² Там же. С. 228.
²³ Труд. 1932. 14 июля.
²⁴ См.: Товарищ комсомол : 1918–1968 : Документы съездов, конференций ЦК ВЛКСМ. Т. 1. М., 1969. С. 516.
²⁵ За Сталинградские снаряды. 1934. № 3–4. С. 5.
²⁶ Молодой ленинец. 1934. 15 января ; Поволжская правда. 1934. 6 марта.
²⁷ Молодой ленинец. 1934. 15 января.
²⁸ Индустриализация СССР. 1933–1937. Документы и материалы. М., 1938. С. 546.
²⁹ Молодой ленинец. 1934. 15 января.
³⁰ Поволжская правда. 1934. 23 марта.
³¹ ГАСО. Ф. Р–274. Оп. 1. Д. 407. Л. 182–183.
³² ГАНИВО. Ф. 114. Оп. 1. Д. 1. Л. 2.
³³ Там же. Л. 20.
³⁴ См.: Славный путь ленинского комсомола. История ВЛКСМ. М., 1978. С. 243.
³⁵ См.: ГАНИВО. Ф. 113. Оп. 1. Д. 4. Л. 110 ; ГАНИСО. Ф. 4158. Оп. 2. Д. 22. Л. 17–18.
³⁶ См.: Машиностроитель. 1935. 5 апреля.
³⁷ См.: РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 3. Д. 961. Л. 14–15 ; РГАЭ. Ф. 7622. Оп. 1. Д. 451. Л. 2.
³⁸ Основные итоги отраслевых конференций тяжелой промышленности. М., 1936. С. 26–27.
³⁹ См.: РГАЭ. Ф. 7622. Оп. 1. Д. 649. Л. 3.
⁴⁰ Тяжельникова В. С., Соколов А. К. Отношение к труду : факторы изменения и консервации традиционной трудовой этики рабочих в советский период // Социальная история. Ежегодник. 2001/2002. М., 2004. С. 114.
⁴¹ РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 3. Д. 934. Л. 24, 46–47.
⁴² РГАЭ. Ф. 7297. Оп. 23. Д. 10. Л. 4.

УДК 621.396.982.6:621.396.683

«ВЕЛИКИЙ ПЕРЕЛОМ» В НАЦИОНАЛЬНО-ГОСУДАРСТВЕННОМ СТРОИТЕЛЬСТВЕ НА СЕВЕРНОМ КАВКАЗЕ

В. З. Акопян

Пятигорский государственный лингвистический университет
E-mail: zaven2005@yandex.ru

В статье рассматриваются некоторые аспекты национально-государственного строительства в Северо-Кавказском регионе в 30-е годы XX века. Автор подчеркивает, что на этом этапе народы в полной мере стали объектом в политике бюрократического государства.

Ключевые слова: автономия, автономная республика, край, нация, национально-государственное строительство, национальный округ, национальный район, самоопределение.

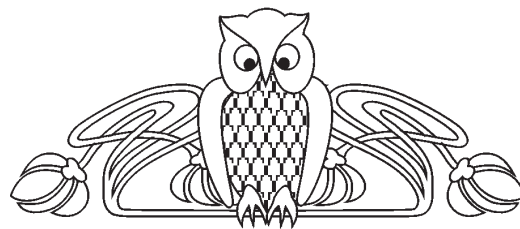
«Great Turning Point» in Nation-building in the North Caucasus

V. Z. Akopyan

The article considers some aspects of national-state building in the North Caucasus region in 30-s years of the XX century. The author emphasizes that at this stage of the Nations to the full extent become a subject in the policy of the bureaucratic state.

Key words: autonomy, autonomous republic, region, nation, nation-building, national district, national district, self-determination.

В последние годы вновь возрос интерес к истории национально-государственного строительства на Северном Кавказе в первые десятилетия советской власти. Целостное представление о происходивших в российском обществе в те годы процессах могут дать региональные исследования, которые эмпирически привязаны к

конкретному месту и времени и позволяют понять и объяснить основные тенденции национально-государственного строительства в 1920–1930-е гг.

Краткий историографический обзор проблемы показывает, что, несмотря на значительное увеличение числа доступных архивных источников, сложившиеся в советские годы представления о происходивших в тот период процессах национально-государственного строительства, по существу, остаются прежними¹.

Национально-государственное строительство среди коренных народов Северного Кавказа и административно-территориальное строительство в масштабах всего региона в 20–30-е гг. XX в., включая русские регионы (Кубань, Ставрополье, отделы Терской области), условно можно разделить на несколько этапов. Первый датируется 1920–1924 гг. В этот период в процессе так называемой «автономизации» оформлялись национально-территориальные образования горских народов, и начиналось административно-территориальное строительство (так называемое «районирование») в русских регионах.

Следующий этап (вторая половина 1920-х – 1934 гг.) характеризует продолжение национально-государственного и административно-территориального строительства в рамках единого Северо-Кавказского края, куда вошли автономии и русские регионы (вначале разделенные на округа, а с 1930 г. – на районы). На третьем этапе (вторая половина 1930-х гг. – начало Великой Отечествен-

ной войны) произошло упразднение единой территориальной организации, формально повысился статус большинства автономий (АССР), а русские регионы приобрели конфигурацию, сохранившуюся в основном до наших дней.

Национальные лозунги большевиков диктовались исключительно тактическими задачами революции. В своей реальной национальной политике они не могли не использовать многовекового опыта Римской, Византийской, Османской и других империй, в которых целью создания единой нации была этническая миксация. Правительству большевиков также не была чужда идея создания единой «супернации» (название не имело значения). Ей только надо было придать «революционную упаковку» пролетарского интернационализма.

Однако продолжателем политики Ленина в национальном вопросе оказался Сталин, внешне позиционировавший себя как революционный державник. Но это одна сторона медали. Другая – Сталин как сын своего народа не собирался включать грузинскую нацию в единую советскую. Наоборот, он всячески содействовал формированию единого грузинского народа (этот процесс не был завершен) путем слияния всех картвелоязычных этносов (менгрелов, сванов, аджарцев, месхов и др.) с картлийцами. Более того, он организовывал включение в состав грузинского этнического сообщества иноязычных национальных групп Грузии – абхазов, осетин, армян и др. Иными словами, Сталин пошел по пути создания не одной «супернации», а нескольких – по числу союзных и ряда автономных республик. Реализация «грузинской национальной задачи» совпадала с такими же устремлениями национальных элит других союзных республик.

В первое десятилетие советской власти в национальном вопросе из тактических соображений все же сохранялся определенный консенсус. До конца 1920-х гг., осуществляя национально-государственное строительство, власть пыталась, насколько это было возможно, при утвердившейся модели общества и как это понималось идеологами того времени реализовать принцип «национального самоопределения». При установлении границ национальных автономий учитывалась территория этнического расселения. При этом провозглашенное право нациям самим определять свою судьбу исключало их отделение от единого государства с целью достижения полного суверенитета или присоединения к другим государствам (например, к Турции), к чему призывали пантюркисты и панисламисты, находившиеся после Гражданской войны за границей или перешедшие на подпольное положение. Наоборот, против отделения выступала вся советская национальная элита, которую интересовала лишь национальная автономия с максимально возможной территорией.

Таким образом, самоопределение в рассматриваемый период могло осуществиться

или в форме создания национальной автономии преимущественно горских народов (для компактно проживавших национальных меньшинств предусматривались «малая» и низовая формы территориальной автономии), или в форме интеграции всех (или нескольких) регионов в рамках единой территориальной организации. Такую центростремительную тенденцию поддерживали Центр и его властные и общественные структуры в регионах Северного Кавказа.

С конца 1920-х гг. начался «великий перелом», укрепивший тоталитарные основы советского общества. В связи с утверждением единоличной власти Сталина в национально-территориальном строительстве явно присутствует его почерк, хотя и до этого времени во многих мероприятиях звучал «акцент» наркома по делам национальностей. Правда, его можно было спутать с «акцентом» Орджоникидзе, Микояна, Калмыкова или «говором» Кирова, Позерна, Гикало и других деятелей центра и региона. Однако в 1930-е гг. посягать на авторские права «этнического инженера» уже никто не мог. Национальное строительство Сталиным осуществлялось так же масштабно, как и темпы индустриализации, строительства колхозов, преодоления неграмотности, ликвидации «врагов народа».

Первым отражением коллективизации и индустриализации в национально-государственном строительстве стала ликвидация округов в русских регионах и «вхождение» ряда городов и районов, в основном населенных русскими, в состав горских автономий. В соответствии с решениями XVI съезда ВКП (б), 17 августа 1930 г. Президиум исполкома Северо-Кавказского края принял постановление о ликвидации округов. Вместо них создавались 87 сельских районов и 10 городов. При этом количество районов сокращалось в 2 раза². Они стали напрямую подчиняться краевым ведомствам. Время проведения этого переустройства совпало с осуществлением сплошной коллективизации и, по всей видимости, объясняется стремлением рационализировать деятельность бюрократического аппарата. Юг России стал экспериментальным не только в районировании, но и должен был максимально быстро показать всей стране успешный опыт «социалистического переустройства деревни». В 1932–1933 гг. этот опыт был продемонстрирован катастрофическим голодом, охватившим зерновые районы страны и унесшим миллионы жизней.

Ликвидация «среднего звена» в лице округов отрывала район от краевого управления, так как образовывалась огромная дистанция между властными структурами. Выход был либо в поиске абсолютно новой модели территориальной организации, призванной обеспечить успешную реализацию задач «великого перелома» (на что времени у власти не было), либо в воссоздании старой, досоветской территориальной структуры, бесхитростно ориентировавшейся на геопо-

литическую устойчивость империи. Последнее обстоятельство отвечало и новым реальностям – приближалась война. Однако возвращение к ней стало бы признанием несостоятельности всего предшествующего советского административно-территориального строительства. Поэтому советская власть на Кавказе продолжала поиск оптимальной модели устройства в контексте названных парадигм. Большая роль здесь отводилась изменению названий регионов, призванных скрыть возвращение к модели старого территориального устройства.

Упразднение округов и укрупнение районов являлись лишь подготовительной мерой, направленной к ликвидации огромного края. В 1934 г. Северо-Кавказский край был разделен на Азово-Черноморский край с центром в г. Ростове-на-Дону и Северо-Кавказский край с центром в г. Пятигорске. Параллельно происходило разукрупнение районов. В состав Азово-Черноморского края, состоявшего из 139 районов и 1212 сельсоветов, вошли Дон, Кубань и Адыгея. Территория в 180 тыс. кв. км и с населением около 6 млн чел. по-прежнему управлялась малоэффективно. В связи с этим в сентябре 1937 г. Азово-Черноморский край был разделен на Ростовскую область с центром в Ростове-на-Дону и Краснодарский край с центром в г. Краснодаре. Границы Краснодарского края практически совпадали с историческими границами казачьего края, за исключением некоторых территорий, отошедших еще в начале 1920-х гг. к Ставрополью, и районов, переданных автономиям карачаевцев и черкесов. Край объединял 13 городов и 71 район с населением 2,9 млн чел. В его состав вошла Адыгейская АО, в 1936 г. увеличившаяся за счет присоединения к ней Гиагинского и Майкопского районов. Административным центром автономии стал г. Майкоп. Территория «нового» Северо-Кавказского края сократилась до пределов Ставрополья и горских автономных областей. Административным центром края в начале был определен г. Пятигорск, в 1936 г. – г. Орджоникидзе, а с декабря 1936 г. – г. Ставрополь, переименованный в Ворошиловск³.

В соответствии с Конституцией СССР 1936 г. (на ее основе в 1937 г. была принята Конституция РСФСР) произошло формальное повышение статуса горских автономий – Кабардино-Балкарской, Северо-Осетинской и Чечено-Ингушской в автономные республики. Они вместе с Дагестанской АССР были выведены из состава Северо-Кавказского края, с марта 1937 г. переименованного в Орджоникидзевский. Этот край теперь включал территорию Ставрополья, три района упраздненного Терского округа (включая курорты Кавказских Минеральных Вод), Карачаевскую и Черкесскую АО⁴.

Переход от автономной области к автономной республике означал для северокавказских автономий восхождение к более высокой форме национальной государственности: от админи-

стративно-политической к государственно-политической. Как государственные образования они формировали Верховный Совет и Президиум Верховного Совета, правительство – СНК, наркоматы и другие органы государственного управления, Верховный суд.

В каждой автономной республике состоялось «всенародное обсуждение» и, как правило, единогласное принятие проекта Конституции. Так, например, X Чрезвычайный съезд Советов Кабардино-Балкарской АССР 24 июня 1937 г. утвердил Конституцию республики, а 26 июня 1938 г. состоялись выборы в представительные органы РСФСР. 2 июня 1940 г. Конституция КБАССР, как и других автономий, была утверждена Верховным Советом РСФСР⁵. Все республиканские конституции закрепили произошедшие территориальные изменения, оговорив невозможность изменения их границ без согласия самой республики. Таким образом, новый статус автономий в форме АССР, пусть даже абсолютно формально, предоставлял северокавказским народам более высокий уровень государственности внутри федеративного (тоже только по форме) государства.

Другой новацией рубежа 1920 – 1930-х гг. стало включение ряда городов и районов, в основном населенных русскими, в состав горских автономий. Проекты подобных территориальных изменений возникали еще в нэповский период, однако тогда в определенной степени учитывалось настроение населения, и от реализации этих планов отказались или они были отложены «до лучших времен». Указанные изменения начались в 1928 г. присоединением многонационального, но главным образом населенного русскими г. Грозного со всеми богатейшими нефтепромыслами к Чеченской АО. Объединение Грозного с Чечней мотивировалось «усилением политического влияния грозненского пролетариата на чеченские крестьянские массы»⁶.

В том же году Чечня получила еще одно приращение – населенный русскими Сунженский округ. Первый подарок – Грозный (второй по значимости в промышленном отношении центр на Юге России, после Ростова) – призван был символизировать успех национальной автономии в начавшейся индустриализации, а второй (Сунжа) – показать успешную борьбу с кулаками и продемонстрировать успехи уже запланированной «сплошной» коллективизации, опять же на примере чеченской автономии⁷. Однако за всем этим, на наш взгляд, проглядывалось стремление упредить возможный сепаратизм до того мононациональной автономии, где проживал второй по численности этнос Северного Кавказа. В то же время земли, населенные чеченцами-аккинцами в западной части Хасавюртовского района, остались в Дагестане.

Такие же мотивы присутствовали при передаче Кабардино-Балкарии в 1932 г. большей части Прохладненского района с одноименным городом;

в 1933 г. Владикавказ (в 1931 г. переименованного в Орджоникидзе) в состав Северо-Осетинской АО⁸. Еще раньше, в 1930–1931 гг., русские селения и станицы Баталпашинского и Зеленчукского районов, упраздненного Армавирского округа были поделены между Карачаем и Черкесией. Это решение демагогически мотивировалось территориальной отдаленностью от окружного центра (г. Армавира) и традиционным экономическим тяготением казачьего населения к горцам. Все указанные и другие территории передавались автономиям волевым методом, без какого-либо учета мнения населения. В то же время внешне все обстояло демократично: проводились собрания, принимавшие заранее подготовленные решения, в которых объявлялось, что предпринимаемые меры осуществляются в интересах всех народов. Если где-либо возникали протесты (например, представители казачьих станиц Баталпашинского и Зеленчукского районов неоднократно поднимали вопрос об ущемлении интересов населения), активные представители общественности объявлялись «неблагонадежными», а то и кулацкими агитаторами, и подвергались репрессиям⁹.

Объединительные эксперименты продолжались и в последующие годы. Например, на завершающем этапе Великой Отечественной войны Моздокский район все же был включен в состав Северо-Осетинской АССР¹⁰.

В этом ряду перекройки границ 1930-х гг. своеобразной кульминацией стало объединение двух родственных народов – чеченцев и ингушей в одну общекавказскую автономию – Чечено-Ингушскую. С этнической точки зрения это объединение было более логичным по сравнению с объединением в либеральные 1920-е гг. алтайских (по языку) карачаевцев и балкарцев (в досоветский период их называли «горские татары») с адыгами – соответственно черкесами и кабардинцами.

Объединение Ингушетии с Чечней, в состав которой уже вошли город Грозный и Сунженский округ, открывало большие перспективы для хозяйственного и культурного развития Ингушетии, хотя и должно было снять претензии последней к Северной Осетии. В процессе объединения соблюдались все формальности: создана специальная комиссия из представителей двух автономий, проводились собрания, на которых «трудящиеся» вполне искренне и единодушно принимали положительные решения. В постановлении ВЦИК от 15 января 1934 г. отмечалось: «В согласии с выраженной волей трудящегося населения Чеченской и Ингушской автономных областей Президиум ВЦИК постановляет: “Автономную область Ингушетии объединить с Чеченской автономной областью, образовав Чечено-Ингушскую автономную область с центром в городе Грозном”»¹¹. Город нефтяников стал административным центром и Ингушетии, руководство которой ранее находилось во Владикавказе.

Во всех этих присоединениях прослеживалась определенная закономерность «сталинской

этноинженерии». Если в 1920-е гг. административно-территориальное деление Северного Кавказа более или менее полно учитывало ареалы этнического расселения, то в 1930-е гг. произошел отход от национального принципа в территориальной организации края. Административные «конструирования» приводили к сокращению доли титульных групп в составе их населения. Например, до 1936 г. на территории Адыгейской АО адыгейцы составляли около 56%, а после включения Майкопа и ряда других земель титульная нация, то есть этнос, давший название автономии, сократилась в 2,5 раза. В почти моноэтнической Чеченской АО после включения г. Грозного и Сунжи доля титульной нации составила 64%. В Северной Осетии эти данные соответственно характеризовались – 84,2% в 1926 г. и 50,3% в 1934 г.¹²

Эти ничем не ограниченные этнические объединения, проводившиеся во всех империях, могли породить иллюзию об абсолютной самостоятельности в действиях Сталина. Однако «отец всех народов» объективно выполнял запросы бюрократии как центральной, так и региональной. Хотя в 1930-е гг. местная национальная элита и стала «подчиненным объектом» (в предшествующем десятилетии ее роль была более значительной) и в случае недовольства могла быть обвинена в «национал-уклонизме», она могла теми или иными способами проявить недовольство сокращением доли титульной нации в автономиях.

Однако местная партийно-государственная бюрократия в своей массе не посылала в Центр такие отрицательные «сигналы». И не только из опасения быть репрессированной. Она могла быть удовлетворенной целым рядом обстоятельств. Во-первых, территориальные приращения за счет богатых русских территорий (плодородные земли, нефть, промышленность, квалифицированные кадры) делали автономии более значимыми и открывали новые перспективы для национальных элит и административных бюрократий¹³.

Во-вторых, при значительном сокращении доли этноса, давшего название автономии, сохранялся статус титульной нации, следовательно, национальной бюрократии гарантировались самые престижные места во власти. Наконец, автономии, как уже отмечалось выше, формально стали «политико-государственными» образованиями, что позволяло местным чиновникам носить более высокие титулы наркомов, верховных судей, депутатов Верховного Совета и т. д., пусть даже в крошечных республиках.

Из всего сказанного может сложиться впечатление, что проигравшей стороной выступало русское население Северного Кавказа. Однако за всеми формальными границами между союзными и автономными республиками, федеративной формой объединения Союза и РСФСР, выступало единое, унитарное государство, где сами русские должны были ощущать себя «титульной, державной нацией», а свой национальный язык государ-

ственным. Сам Сталин себя позиционировал (чем ближе назревала война, тем больше) как вождь великого русского народа, а следовательно, национальный чиновник должен был мечтать стать как можно больше русским. Уже одни эти обстоятельства позволяли русскому населению и бюрократии русского происхождения рассматривать происходящие изменения в административно-территориальном и национально-государственном строительстве как отражающие их интересы и выполнять тяжелую, но ответственную роль «старшего брата».

Другой «новацией» 1930-х гг. стало наступление против национальных меньшинств. В национальной политике Сталина явно прослеживались две составляющие: «державная» – он как руководитель огромной страны упрощал этническую карту, соединяя этносы; и «местечковая» – как грузин-патриот (внешнее позиционирование в качестве только лидера «великого русского народа» не должно обманывать). В национально-государственном строительстве как в Закавказье, так и на Северном Кавказе, вождь проводил политику, учитывающую интересы «исторической родины»: присоединение к Грузии договорной Республики Абхазии, а вместе с ней части Сочинского района, выдавливание и ассимиляция южных осетин и других национальных меньшинств, включение в состав Грузии территорий почти всех депортированных народов и т. д. Позволив властям Грузии масштабную ассимилировать национальные меньшинства, он такое право предоставил и другим республикам. Ной Жордания и другие лидеры-националисты буржуазной Грузинской Республики, так же как и некоторые современные лидеры независимой Грузии (например, Звиад Гамсахурдия), и не могли мечтать о такой маленькой региональной империи.

В условиях жесткого централизма в контексте рассматриваемой темы малые и низовые формы автономии – национальные районы и сельсоветы – с каждым годом все больше и больше теряли свой статус, а потом и вовсе были упразднены. 20 февраля 1939 г. было принято решение ЦК ВКП (б) о ликвидации и преобразовании, как отмечалось там, «искусственно» созданных национальных районов и сельских советов»¹⁴.

Краснодарский крайком ВКП (б), руководствуясь вышеупомянутым решением ЦК, 6 марта 1939 г. принял постановление преобразовать в обычные национальные районы края. В первую очередь был ликвидирован немецкий (Ванновский) национальный район¹⁵. Нападение гитлеровцев на Советский Союз предопределило судьбу этнических немцев, которые первыми из представителей национальных меньшинств подверглись депортации из европейской части страны в восточные районы (Казахстан и Новосибирскую область). В сентябре председатели исполкомов райсоветов, секретари райкомов ВКП (б) получили предписание: «На основании постановления

Госкомитета обороны (ГКО) от 21 сентября 1941 г. в срок с 25 сентября по 10 октября 1941 года из вашего района должны быть выселены все без исключения лица немецкой национальности»¹⁶.

Аналогичное решение было принято и в отношении Греческого района и национальных сельсоветов. Руководителей и интеллигенцию района обвинили в принадлежности к так называемой «Греческой контрреволюционной националистической диверсионно-шпионской и террористической организации» и уже в начальный период Великой Отечественной войны тысячи греков Краснодарского края были переселены в восточные районы страны. По мнению Сталина, прямым доказательством ориентации греков в пользу Германии являлся сам факт установления фашистского режима на их исторической родине¹⁷. И хотя такой повод невозможно было применить к русско-казачьему населению автономий, армянам, шапсугам и др., тем не менее, были ликвидированы и их национальные районы и сельсоветы.

В 1930-е гг. изменилось и отношение к украинизации. Национальный украинский фактор стал еще более нежелательным, чем казачий. В 1920-е гг. ситуация была иная. Казаки, изрядно поредевшие в ходе раскулачивания, коллективизации, в связи с трагическими последствиями голода 1932–1933 гг., уже не представляли сколько-нибудь существенной угрозы для режима. Украинская альтернатива теряла свое значение. Последующие всесоюзные переписи населения (в отличие от относительно объективной 1926 г.) показали многократное уменьшение численности украинцев. В результате ассимиляции происходило сокращение численности и других дисперсных и малочисленных этнических групп¹⁸. В этом факте было много объективного и закономерного, но в то же время наглядно проявилось желание жесткими административными мерами форсировать преодоление каких-либо этнических и социальных различий. Они, по мнению властей, выступали тормозом в деле строительства социализма¹⁹.

В целом, в предвоенные десятилетия XX столетия при всей противоречивости и декларативности политики большевистского государства в национально-территориальном строительстве, если исходить из того, в каком политическом положении многие северокавказские народы находились в царской России, в их социально-экономическом, культурном и политическом развитии был сделан серьезный цивилизационный прорыв. Увы, из двух тенденций: позитивной, учитывавшей интересы народов и конкретного человека-гражданина, и негативной, когда народы и конкретный человек играли роль «винтика» в бюрократическом механизме, в 1930-е и последующие годы предпочтение отдавалось второй тенденции.

Становление новой российской государственности имело одним из важных последствий пре-

вращение автономий, краев и областей Северного Кавказа в субъекты Российской Федерации. В то же время, пользуясь слабостью федерального центра, республики принимали собственные конституции, во многом нарушающие федеральное законодательство. Данную ситуацию попытались изменить лишь в начале XXI в., когда начался целенаправленный процесс укрепления Федерации и формирования в стране единого правового пространства.

Предпринятые федеральной властью меры способствовали укреплению российской государственности. На наш взгляд, важно, чтобы все слои общества были вовлечены в сложную работу по гармонизации межнациональных отношений и, в частности, совершенствованию национально-государственного и административного устройства, призванного удовлетворить интересы всех групп населения. От эффективности государственной политики в этом регионе во многом зависит настоящее и будущее всей страны. Именно здесь проверяются на прочность Российское государство, жизнеспособность современной модели его развития.

Примечания

- 1 См.: Хлынина Т. П. Национально-государственное строительство на Северном Кавказе в 1920–1930-е годы : проблемы современной историографии // Отечественная история. 2005. № 1 ; Бугай Н. Ф., Гонов А. М. Северный Кавказ : границы, конфликты, беженцы. Документы, факты, комментарии. Ростов н/Д, 1997 ; Тютюнина Е. С. Административно-территориальное строительство на Северном Кавказе // Национально-государственное строительство в Российской Федерации : Северный Кавказ. 1917–1941 гг. Майкоп : Меоты, 1995 ; Шнайдер В. Г. Советское нацистроительство на Северном Кавказе (1917– кон. 1950-х гг.) : закономерности и противоречия. Армавир, 2007 и др.
- 2 См.: Национально-государственное строительство в Российской Федерации... С. 235.
- 3 Цуциев А. Атлас этнополитической истории Кавказа (1774–2004). М., 2007. С. 74.
- 4 Шнайдер В. Г. Советское нацистроительство на Северном Кавказе... С. 55–56.
- 5 См.: История национально-государственного строительства в СССР. 1917–1978 гг. : в 2 т. Т. 1. М., 1979. ; Административно-территориальные преобразования в Кабардино-Балкарии. История и современность : сб. документов. Нальчик, 2000 ; Унежев К. Х. История Кабарды и Балкарии. Нальчик : Эль Фа, 2005 и др.
- 6 Российский государственный архив социально-политической истории (РГАСПИ). Ф. Р. –7. Оп. 21. Д. 3265. Л. 70 ; Чеченская Республика и чеченцы. История и современность. М., 2006.
- 7 РГАСПИ. Ф. Р. –17. Оп. 67. Д. 462. Л. 10.
- 8 См.: СУ РСФСР. 1933. № 40. С. 156 ; Сланов И. А. Национально-государственное строительство в Северной Осетии // Национально-государственное строительство в Российской Федерации : Северный Кавказ. 1917–1941 гг. Майкоп : Меоты, 1995.
- 9 Скорик А. П. Казачий Юг России в 1930-е годы : грани исторических судеб социальной общности. Ростов н/Д, 2009. С. 108–280 ; Тикиджян Р. Г. Административно-территориальная реформа на Дону и Северном Кавказе и политика Советского государства в отношении казачества 1920–1930-е годы XX века // Казачья государственность : исторические, правовые и культурные аспекты : материалы междунар. науч. конф. Краснодар, 2011. С. 197–205.
- 10 Центральный государственный архив Республики Северная Осетия – Алания (ЦГА РСО-А). Ф. Р. –639. Оп. 2. Д. 857. Л. 9 ; Город Моздок : Исторический очерк. Владикавказ, 1995. С. 164.
- 11 Государственный архив Чеченской Республики (ГАЧР). Ф. Р. –268. Оп. 1. Д. 274. Л. 60.
- 12 См.: Белозеров В. Этническая карта Северного Кавказа. Нация и культура. Новые исследования. Социальная география. М. : Оги, 2005. С. 24.
- 13 Цуциев А. Атлас этнополитической истории Кавказа... С. 13–20.
- 14 РГАСПИ. Ф. Р. –17. Оп. 114. Д. 637. Л. 7.
- 15 Центр документации новейшей истории Краснодарского края. Ф. Р. –493. Оп. 1. Д. 101. Л. 67.
- 16 Государственный архив новейшей истории Ставропольского края. Ф. Р. –1. Оп. 85. Д. 13. Л. 5.
- 17 Игнатова М. Е. Греческий и немецкий (Ванновский) национальные районы Краснодарского края в 20–40-е гг. XX века : дис. ... канд. ист. наук. Краснодар, 2005.
- 18 Всесоюзная перепись населения 1939 г. Россия. СПб., 1999. С. 18–21.
- 19 См.: Акоюн В. З. Северный Кавказ : история и современность. Пятигорск, 2007 ; Северный Кавказ : государственное строительство, экономика и культура. 1920–1940. Ростов н/Д, 2010. С. 27.